

Традиционные устои — не то, что моральные принципы, уверенность в своей непогрешимости, не религиозность. Критиковать одно вовсе не значит нападать на другое.

Шарлотта Бронте. 1847 г.

В рабочем порядке аборт можно определить как прерывание беременности на стадии нежизнеспособности плода.

Доктор медицинских наук

Г. Дж. Болдт. 1906 г.

Глава первая УСЫНОВЛЕННЫЙ СЕНТ-ОБЛАКОМ

В больнице при отделении мальчиков сиротского приюта, что в Сент-Облаке, штат Мэн, работало всего две медсестры: среди прочих обязанностей им было предписано давать имена новорожденным и следить за тем, чтобы их крохотные пенисы хорошо заживали после обязательного обрезания. В те дни (1920-е годы) все мальчики, появившиеся в Сент-Облаке, подвергались обрезанию, поскольку приютский врач в Первую мировую войну немало намучился (по разным причинам) с необрезанными солдатами. Этот врач, по совместительству заведовавший отделением мальчиков, особой религиозностью не отличался: для него обрезание было не обрядом, а чисто медицинской операцией, проводимой в гигиенических целях. Звали его доктор Уилбур Кедр, и, хотя от него всегда исходил легчайший запах эфира, одна из сестер, думая о нем, нет-нет и вспоминала твердую, долговечную древесину хвойного дерева, имеющего то же название. Что касается имени Уилбур, она его терпеть не могла; самая мысль, что столь идиотское сочетание звуков приходится произносить вместе с такой солидной фамилией, казалась ей оскорбительной.

Другая медсестра пребывала в уверенности, что влюблена в доктора Кедра. И когда была ее очередь давать имя младенцу, она частенько нарекала его Джоном Кедром, или Джоном Уилбуrom (ее отца звали Джон), или еще Уилбуrom Уолшем (Уолш — девичья фамилия матери). Несмотря на чувства, питаемые к доктору Кедру, его фамилия всегда оставалась для нее только фамилией, не вызывая никаких древесных ассоциаций. Ей имя Уилбур нра-

вилось — такое удобное, делай что хочешь — хоть имя, хоть фамилию. Когда же «Джон» ей надоедал или вторая медсестра пробирала ее за скудость воображения, пределом ее изобретательности были Роберт Кедр или Джек Уилбур, ей было, по-видимому, невдомек, что Джек — ласкательное от Джона.

Если бы наш герой получил свое имя от этой романтической дурочки, он, скорее всего, был бы Кедр или Уилбур в сочетании с Джоном или Робертом, что уж совсем было бы скучно. Но в тот раз имена давала другая сестра, и он стал Гомером Буром.

Отец этой медсестры занимался бурением колодцев — делом честным, нелегким, требующим терпения и точности, — и, по ее убеждению, обладал всеми перечисленными качествами, что придавало слову «бурение» серьезный, глубокий, даже фундаментальный смысл. А Гомером звали одного из бесчисленных котов, живших в ее семье. Эта медсестра — все звали ее сестра Анджела, редко повторялась, давая имена своим подопечным; зато бедняжка сестра Эдна умудрилась создать трех Джонов Уилбуров и даже двух Джонов Кедров Третьих. Сестра Анджела хранила в памяти неисчерпаемый запас полезных и звучных слов, которые с успехом использовала в качестве фамилий, взять хотя бы Мейпл, Филдз, Бук, Хилл, Нот, Дей, Уотерс (и это лишь малая часть), и чуть менее внушительный список имен, почерпнутый из семейных анналов: часть из них принадлежала близким и дальним родственникам, остальные — покойным и здравствующим четвероногим любимцам (Феликс, Фаззи, Дымка, Кудри, Джо, Лужок, Эд и т. д.).

Разумеется, большинство сирот недолго носили придуманные сестрами имена. Мальчикам было легче подыскать семью еще в младенческом возрасте, и многие не только не знали полученного при рождении имени, но не помнили даже сестер Анджелу и Эдну — первых женщин, заботившихся о них в этом мире. Более того, доктор Кедр строго придерживался правила не сообщать приемным родителям любовно придуманное имя. В Сент-Облаке считалось, что ребенок, покинув приют, начинает но-

вую жизнь; и все-таки, если мальчик задерживался в приюте, сестре Анджеле и сестре Эдне, да и самому доктору Кедру было нелегко смириться, что их Джон Уилбур или Джон Кедр (а также Хилл, Кудри, Мейпл, Джо, Нот или Дымка Уотерс) будет всю жизнь зваться как-то иначе.

А вот Гомер сумел-таки сохранить данное ему при рождении имя; он столько раз возвращался в Сент-Облако после неудачных усыновлений, что работники приюта не устояли перед его очевидной целеустремленностью и приют стал для него отчим домом. Нелегко было на это пойти, но сестра Анджела, сестра Эдна и в конце концов сам доктор Кедр были вынуждены согласиться, что Гомер Бур неотторжим от Сент-Облака. И оставили всякие попытки подыскать упрямцу семью.

Сестра Анджела, обожавшая кошек и сирот, заметила однажды, что Гомер Бур, должно быть, очень полюбил придуманное ею имя, раз так упорно боролся за право его носить.

Городок Сент-Облако, что в штате Мэн, почти весь девятнадцатый век был лагерем лесорубов. Лагерь с годами превратился в поселок, выросший вокруг лесопильного завода, который был построен в речной долине на ровной местности, что облегчало прокладку первых дорог и транспортировку тяжелого оборудования. Первыми поселенцами были франкоканадцы — лесорубы, пильщики и вальщики леса, затем появились трелевщики, сплавщики, за ними проститутки, бродяги, грабители, и наконец была построена церковь. Первоначально лагерь просто называли «Облачный», потому что стоял в низине и облака над ним подолгу не рассеивались. По утрам над бурной рекой висел густой туман; а в трех милях вверх по течению ревели пороги, и воздух в окрестностях, включая поселок, был насыщен водяной пылью. Когда сюда пришли первые лесорубы, безжалостному истреблению леса мешали единственно несметные полчища комаров и другой мошкары; эти исчадия ада предпочитали густые туманы безветренных долин внутренних районов Мэна морозному воздуху гор и яркому солнцу океанского побережья.

Доктор Кедр был не только врач и заведующий отделением мальчиков (он и основал этот приют), но взял еще на себя обязанности летописца Сент-Облака. Согласно доктору Кедру, лагерь лесорубов «Облачный» стал Сент-Облаком «благодаря пристрастию ревностных католиков, населявших глухие углы штата, цеплять эту приставку к любому названию, как будто она могла облагородить самое мерзопакостное место». К этому времени (спустя полвека после прихода первых лесорубов) лагерь уже превратился в поселок при лесопильном заводе. Лес вокруг на многие мили был вырублен, бревна больше не загромождали реку, исчезли хижины, где ютились изувеченные лесорубы — придавленные деревом или упавшие с него; теперь взор привлекали высокие аккуратные штабеля свежераспиленных досок, сохнувших под неярким затуманенным солнцем. Весь поселок был припорошен опилками и древесной пылью, зачастую невидимой невооруженным глазом, но дающей о себе знать астматическим свистом, чихом и свербящими носами жителей. На смену синякам и переломам пришли порезы, швы, шрамы; местные страстотерпцы гордо демонстрировали глубокие раны (а иногда отсутствие частей тела), нанесенные острыми зубьями пил. Пронзительный вой пилорам был столь же присущ Сент-Облаку, как туманы, испарения, влажность, изнуряющие население внутренних районов Мэна в долгие, холодные, со снегопадами зимы и делающие невыносимой удушливую жару лета, когда единственное облегчение приносили редкие ливни с грозами.

Весны в этой части Мэна не бывало вовсе, если не считать той поры марта—апреля, когда тает снег и все тонет в непролазной грязи. Весной жизнь в городе замирала; тяжелые грузовозы стоят, из дому не выйдешь, вздувшаяся от талого снега река мчитя вниз как угорелая, так что и водный путь отрезан. Весна в Сент-Облаке приносила беду: пьянство, драки, изнасилования, самоубийства. Только у проституток горячая пора; щедрый весенний посев давал богатые всходы, и приют в Сент-Облаке работал без простоев.

Ну а осень? В ежедневной хронике приютских событий доктор Кедр коснулся и осени. Все его записи, кроме

тех, что начинались словами «Здесь, в Сент-Облаке», предварялись вступительной фразой: «В других местах на земле...»

«В других местах на земле, — писал доктор Кедр, — осень — пора урожая. Осенью пожинают плоды весенне-летних трудов, запасаясь провиантом на долгий зимний сон природы. Здесь, в Сент-Облаке, осень длится всего пять минут».

Впрочем, какого еще климата ожидать от места, где сам собой вырос сиротский приют? Можно ли вообразить подобное заведение вблизи фешенебельных курортов? Откуда взяться сиротам в земле, текущей млеком и медом?

Ведя дневник, доктор Кедр демонстративно экономил бумагу. Писал мелким, убористым почерком на обеих сторонах листа. И конечно, не оставлял полей. «Здесь, в Сент-Облаке, — писал он, — кто, думаете, главный враг мэнских лесов? Кто тот негодяй, что плодит никому не нужных детей, загромождает реку топляком, превращает плодородные долины в пустыню, изъеденную половодьем? Угадайте, кто этот ненасытный губитель лесорубов с просмоленными руками и раздробленными пальцами, пильщиков — рабов лесопильни, чьи ладони высохли и растрескались, а от пальцев осталось одно воспоминание? И почему этот обжора требует все больше и больше леса?»

Этим главным врагом была для доктора Кедра бумага, а если точнее, бумажная компания «Рамзес». На доски леса всегда хватит, рассуждал доктор Кедр, а вот аппетит компании «Рамзес» не утолим, деревьев на нее не напасешься, особенно если не делать новых посадок. И в конце концов долина вокруг Сент-Облака совсем оголилась; там и сям полез из земли подлесок — низкорослые сосны и осинник, бесполезный, как осока; начиная от Порогов-на-третьей-миле и кончая Сент-Облаком, красного леса не осталось и в помине. Сплавливать было нечего, и компания «Рамзес», бумажный флагман Мэна, на пороге двадцатого века закрыла лесопильню, склад пиломатериалов и отправилась вниз по реке губить леса дальше.

Что же после нее осталось? Та же дрянная погода, опилки, израненные берега — огромные стволы сплавляе-

мого леса, ударяясь о них, разрушали почву; брошенные строения — лесопильный завод с провалами пустых окон, гостиница-бордель с танцзалом на первом этаже и помещением для игры в бинго на втором, выходящем на реку, несколько бревенчатых домов и католическая церковь для канадских лесорубов, новенькая, опрятная, словно и не действовала все прошедшие годы. Впрочем, где ей было тягаться с борделем, танцзалом или даже игрой в бинго. Доктор Кедр у себя в дневнике писал: «В других местах на земле играют в покер, теннис. А здесь, в Сент-Облаке, — в бинго».

Куда же девались обитатели Сент-Облака? Все, кто работал на компанию, переехали вместе с ней вниз по реке. Но место совсем не вымерло, остались проститутки с детьми — немолодые и не слишком привлекательные. Приют церкви, не избалованный вниманием прихожан, тоже покинул Сент-Облако в кильватере компании «Рамзес». Надо же кому-то спасать человеческие души!

В «Краткой летописи Сент-Облака» (как назывался дневник) доктор Кедр документально засвидетельствовал, что по крайней мере одна из местных проституток умела читать и писать. С последней баржей, уплывающей вместе с компанией «Рамзес» в цивилизованное будущее, эта грамотея отправила письмо по адресу: *«Чиновнику штата Мэн, отвечающему за сирот!»*

Письмо, как ни странно, дошло до чиновника, отвечающего за сирот. Оно двигалось по инстанциям благодаря не столько «диковинности содержания», как писал доктор Кедр, сколько отчаянной мольбе о помощи. И в конце концов попало в совет здравоохранения штата Мэн. Письмо никому не ведомой проститутки подсунули, как наживку, самому младшему члену совета — «птенцу, только что выпорхнувшему из гнезда, то бишь из Гарвардской медицинской школы» (как сам себя назвал доктор Кедр). Коллеги по совету считали его безнадежно наивным либералом и демократом. В письме говорилось: *«В Сент-Облаке должен быть чертов доктор, чертова школа, чертов полицейский со своим чертовым законом, потому что все чертовы мужики (их и раньше было немного) отсюда смета-*

лись и бросили беспомощных женщин и сирот на произвол судьбы!»

Председатель совета был старый, отошедший от дел врач, который искренне полагал, что из всех двуногих существ в мире только он и президент Тебби Рузвельт были сделаны не бананом.

— Почему бы вам не заглянуть в эту дыру, а, Кедр? — обратился он к молодому коллеге, не подозревая, что эта полупросьба-полуприказ очень скоро обернется для совета созданием штатного сиротского приюта. И что придет день, когда придется раскошелиться и федеральным властям. Но и этого будет мало, и взоры попечителей обратятся к менее надежным источникам финансирования — частным благотворителям.

Как бы то ни было, в 1900-е годы, когда двадцатый век, такой еще юный и многообещающий, начал свое победное шествие по планете (коснувшись и внутренних районов штата Мэн), доктор Кедр приступил к врачеванию застарелых пороков Сент-Облака. Эта работа была как будто специально создана для него. За почти двадцатилетний срок доктор лишь однажды покинул приют — когда началась Первая мировая война. Но вряд ли на войне он был более полезен. В самом деле, кому еще можно было поручить исправление зла, причиненного бумажной компанией «Рамзес», как не человеку, носящему имя дерева, неподвластного воздействию времени? У себя в дневнике, в самом его начале, доктор Кедр писал: «Есть ли на свете более подходящее место для самоусовершенствования и борьбы с окружающим злом? Зло здесь не просто цветет пышным цветом. Можно сказать, оно почти что восторжествовало».

В 192... году, когда новорожденный Гомер Бур лишился крайней плоти и получил столь звучное имя, сестра Эдна (та, что была влюблена) и сестра Анджела (та, что не была) вместе придумали для основателя приюта — прекрасного врача, местного летописца, героя войны (имевшего боевые награды) и заведующего отделением мальчиков — вполне подходящее прозвище. Они назвали его Святой Кедр. В самом деле, почему бы и нет? Это он, си-

лой своего авторитета, насовсем оставил в Сент-Облаке Гомера Бура, ибо во всем, что касалось приюта, он был непререкаемый авторитет. Святой Кедр умудрился — и это в двадцатом веке! — найти место в жизни, где он действительно был полезен. А уразумев, что от Гомера никуда не деться, начал и его воспитывать по собственному образу и подобию.

«Так вот, Гомер, — сказал он, приняв то историческое решение, — надеюсь, ты будешь приносить пользу».

А Гомер, сколько себя помнил, всегда старался приносить пользу. По-видимому, это было свойство его характера. Его первые названные родители вернули его в Сент-Облако, решив, что с ребенком что-то неладно: он никогда не плакал. Проснутся ночью, жаловались они, а в доме ни звука. Но ведь они завели младенца, чтобы избавиться от тишины! Они опрометью бросались в детскую: уж не умер ли он? А Гомер тихонько лежал, жевал губки беззубыми деснами, гримасничал, и все. Новоиспеченные родители воображали, что он часами лежит так — мокрый, голодный — и молча терпит. Явно ненормальное явление!

Доктор Кедр пытался втолковать им, что дети в Сент-Облаке скоро привыкают сами справляться с трудностями. Как ни тряслись над своими питомцами сестры Анджела и Эдна, они физически не могли прийти на помощь каждому плачущему младенцу. И у сирот не было моды орать по ночам. Правда, в глубине души доктор Кедр сознавал, что Гомер и для Сент-Облака исключение — так редко он плакал.

Опыт подсказывал доктору Кедру, что люди, которые могут с такой легкостью отказаться от ребенка, вряд ли способны заменить сироте родителей. Из-за такого пустяка решить, что им подсунули идиота! И он не стал метать бисер перед свиньями. Гомер — крепкий, здоровый младенец, а значит, его ожидает долгий, славный жизненный путь. И он взял малыша обратно.

Вторые родители иным образом реагировали на молчание Гомера, привычку жевать губки и тихонько лежать

в постельке. Они принялись его бить и выбили-таки из него нечто подобное детскому плачу. Это его и спасло.

Если раньше он стоически переносил неудобства, то теперь, поняв, что от него ждут слез и воплей, пошел им навстречу — надо же приносить пользу! — и начал закатывать концерты. А поскольку он всегда отличался кротостью нрава, то доктор Кедр, узнав, что младенец из Сент-Облака своим ором нарушает покой Порогов-на-третьей-миле, весьма удивился. К счастью, городок находился по соседству и слухи о горластом младенце распространились недели за две и скоро дошли до сестер Анджелы и Эдны, которые были арбитрами всех толков и пересудов, разнообразящих жизнь окрестных лесных, речных и бумажных городков. Услыхав, что их Гомер не дает жителям Порогов спать по ночам, и сопоставив услышанное с тем, что сами о нем знали, они напрямик двинулись к Святому Кедру.

— Это не мой Гомер! — заявила сестра Анджела.

— Он вообще не способен плакать, Уилбур, — вторила сестра Эдна, не упуская случая вслух произнести дорогое имя, за что нередко получала выговор от сестры Анджелы, которая находила в этом неуместную фамильярность.

— Доктор Кедр, — подчеркнуто официально обратилась она к нему, — если Гомер Бур и правда криком и плачем будит Пороги, значит эта семья, куда вы его определили, не иначе как прижигает его тельце сигаретами.

Этого, конечно, не было. Горящие сигареты были пунктиком сестры Анджелы. Она ненавидела табак: торчащая изо рта сигарета пробуждала в ней ужасные воспоминания. Однажды к ее отцу зашел канадский индеец поговорить о колодце. А ее любимец, кастрированный и потому особенно ласковый котик по имени Бэндит — у него была полосатая мордочка, точь-в-точь енот, — прыгнул индейцу на колени, а тот — какой кошмар! — возьми и ткни в его розовый нос горящую сигарету. Сестра Анджела именем этого котика своих подопечных не называла, считала, что имя Бэндит больше подходит девочке.

Так вот, семейство из Порогов не были садистами в общепринятом смысле слова. Немолодой муж, молодая жена и взрослые дети от первого брака жили все вместе. Жена очень хотела ребенка, но не беременела. И тогда родилась идея взять сироту, благо приют рядом. Но тут было одно обстоятельство, о котором семья умолчала. Незадолго перед тем дочь мужа родила вне брака ребенка, ухаживать за ним не умела, и тот без конца плакал. Семье, конечно, это не нравилось, а взрослой дочери надоело слушать попреки, она взяла свое чадо и ушла, оставив записку: *«Осточертели ваши стенания. Всего вам хорошего. Надеюсь, скучать не будете»*.

А они, как ни странно, заскучали. Им стало не хватать милого, орущего младенца и его мамы. И однажды кто-то сказал:

— Хорошо бы у нас в доме опять плакал маленький.

Сказано — сделано, семейство отправилось в Сент-Облако и усыновило грудничка.

И надо же было случиться, что им достался самый тихий младенец. Гомер просто попал не в ту семью. Его молчание их возмутило, даже обидело. И они устроили состязание, кто первый исторгнет из младенца рев, кто заставит его громче и дольше орать.

Первый раз он заплакал от голода. Очень громко кричал от щипков и шлепков, остались, между прочим, и отпечатки зубов. Но сильней всего заливался он от испуга. Семья даже сделала открытие: дети больше всего боятся внезапности. В этом турнире они, как видно, добились блестящих личных успехов, ведь его вопли стали легендой в Порогах, где из-за шума воды вообще трудно что-то расслышать, тем более — чем-то кого-то удивить.

Река на порогах так сильно бурлила, что городок был, как ни прискорбно, идеальным местом для убийств: грохот способен был поглотить не только крик, но и выстрелы, да и с мертвым телом никаких проблем — бросьте труп в бурлящую стремнину, его закрутит и понесет до самого Сент-Облака, что в трех милях вниз по реке. Представляете себе, с какой силой кричал Гомер!

Около года сестра Анджела и сестра Эдна отучали Гомера с плачем просыпаться среди ночи и кричать из-за любого пустяка; скрипнет ли стул, хлопнет ли дверь, войдет кто-нибудь внезапно — Гомер задавал такой рев, что случайный посетитель мог бы подумать: это не приют, а застенок, где детей подвергают немислимым пыткам.

— Гомер, Гомер, — успокаивал его доктор Кедр, а побагровевший скандалист набирал в легкие воздуха перед очередной руладой, — из-за тебя нас обвинят в человекоубийстве. И еще, чего доброго, закроют!

Сестры Эдна и Анджела, познакомившись с семейством из Порогов, похоже, испытали даже больший шок, чем бедняжка Гомер.

И даже сам Святой Кедр долго не мог прийти в себя. Ведь он лично разговаривал с каждым членом семейства — и так ужасно ошибся! Он встретился с ними еще раз, приехав забрать Гомера.

До конца жизни запомнит доктор Кедр панический страх, исказивший их лица, когда он, ворвавшись к ним, взял малыша на руки. Этот их страх заставил его задуматься над величайшей двойственностью отношения людей к детям, которая навсегда останется для него загадкой: плоть человеческая желает зачать ребенка, а ум зачастую противится. К несчастью, существуют извращенные умы, требующие, чтобы женщина родила ребенка вопреки своему желанию. Во имя чего? Зачем рождать на свет никому не нужных страдальцев?

Ну а тот, кто хочет ребенка, но не может или не умеет о нем заботиться, о чем думает? И всякий раз, размышляя об этом, доктор Кедр вспоминал испуганное до смерти семейство из Порогов-на-третьей-миле и слышал душераздирающие вопли младенца Гомера. Тот, кто видел и слышал нечто подобное, никогда не заставит женщину родить против ее воли. «Никто на свете! — записал в своем дневнике доктор Кедр. — Даже служащие компании „Рамзес“».

Имея хоть каплю здравого смысла, вы бы не стали осуждать аборт в его присутствии. А если бы стали, вам пришлось бы выслушать подробное повествование о шес-

ти неделях, проведенных Гомером в Порогах-на-третьей-миле. Именно в разговоре, а не на ученом диспуте. Такие диспуты он вообще отвергал. Он был врач-акушер, но если его просили сделать аборт, он делал, при условии, что операция не грозит здоровью женщины.

Только к четырем годам Гомер избавился от ночных кошмаров, сопровождавшихся такими воплями, что просыпались все обитатели приюта, а одна ночная няня даже уволилась («Второго такого дежурства, — сказала она, — мое сердце не выдержит»). Эти вопли так врезались в память Кедр, что еще много лет слышались ему во сне и он, ворочаясь с боку на бок, бормотал: «Гомер, Гомер, успокойся, все хорошо».

Разумеется, ночью плакали и другие дети, но так громко не плакал никто.

— Как будто его живого режут на куски, — говорила сестра Эдна.

— Или прижигают сигаретой, — качала головой сестра Анджела.

Но только Уилбур Кедр знал, какие кошмары мучат по ночам Гомера. «Как будто его подвергают обрезанию, — писал он у себя в дневнике. — Кромсают его маленький пенис кусочек за кусочком».

Третья приемная семья Гомера Бур, которую тоже постигла неудача, как и две предыдущие, обладала такими исключительными достоинствами, что если бы кто стал судить по ней обо всем человечестве, сделал бы большую глупость. Семья была идеальна во всех отношениях, иначе доктор Кедр не отдал бы туда Гомера. После истории с семейством из Порогов-на-третьей-миле доктор Кедр стал крайне осторожен.

Профессор Дрейпер и его жена, женщина лет сорока, жили в Уотервилле (штат Мэн). В 193... году, когда Гомер отправился в Уотервилл, это был весьма невзрачный университетский городок, но по сравнению с Сент-Облаком или Порогами Уотервилл мог по праву считаться очагом нравственности и просвещения. Он тоже был расположен далеко от побережья, но не в долине, а на возвышен-

ности — здесь уже начинались предгорья, — что давало его жителям некие духовные преимущества (как и тем, кто живет на обширной равнине или затерянном среди океана острове). Эти счастливицы имеют возможность как бы глянуть за край земли. Перспектива раздвигающихся горизонтов обогащает душу. Так, по крайней мере, полагал профессор Дрейпер, прирожденный лектор и педагог.

Замкнутые долины, развивал он свою мысль, обнесенные, как оградой, лесом, ограничивающим кругозор, обладают свойством подавлять высшие проявления человеческого духа и поощрять низменные, мелочные инстинкты.

— Спокойно, Гомер, — говорила в этих случаях миссис Дрейпер. — Профессор любит ораторствовать. Не принимай его слова совсем уж всерьез.

Все в семье звали ее Мамулей; Дрейпера же никто, даже взрослые дети и внуки, не величал иначе как Профессор. Даже доктор Кедр не знал его имени. При всей его склонности к нравоучениям и витиеватой манере выражаться, он был в общем человек неплохой, легкий в общении, к тому же слушать его было всегда забавно.

— Мокрые ботинки, — однажды заявил он Гомеру, — неотъемлемая черта штата Мэн. Их следует принимать как данность. Твое решение вопроса оставлять их на подоконнике на тот маловероятный случай, что проглянет чахлое мэньское солнце, заслуживает, Гомер, всяческого уважения за оптимизм и позитивизм. Тем не менее я бы предложил тебе иное решение проблемы мокрых ботинок, которое, заметь, никоим образом не зависит от погодных условий и основано на использовании более надежного источника тепла, а именно печки. Если принять во внимание тот факт, что обувь промокает именно в те дни, когда нет солнца, то, согласишься, печное решение вопроса имеет ряд неоспоримых преимуществ.

— Не принимай уж слишком всерьез, Гомер, слова Профессора, — напомнила приемышу миссис Дрейпер, которую сам Профессор всегда называл Мамулей (а Мамуля его — Профессором).

Даже если Гомер и не считал разглагольствования Профессора простыми и ясными, они его не раздражали.

Пусть студенты и коллеги Дрейпера на кафедре истории считают его претенциозным занудой и разбегаются при его приближении, как кролики из-под носа добросовестной, но заторможенной охотничьей собаки. Это не могло повлиять на отношение Гомера к первому в его жизни отцу, достойному сравнению с доктором Кедром.

Гомера окружили в Уотервилле заботой, какой он никогда прежде не знал. Сестра Эдна и сестра Анджела занимались им только в экстренных случаях, а доктор Кедр скорее исполнял роль строгого, отстраненного наблюдателя, хотя и любившего его всем сердцем. Миссис же Дрейпер была настоящей «мамулей», заботливой и внимательной. Вставала задолго до его пробуждения и, пока он завтракал, пекла пирожки, которые чудесным образом оставались теплыми в ранце до полудня. Более того, она сама возила Гомера в школу на велосипеде — не по шоссе, а напрямик по пешеходным тропам; это был, как она говорила, ее моцион.

После лекций профессор Дрейпер заходил за Гомером на спортивную площадку — казалось, расписание уроков было специально составлено так, чтобы последний урок совпадал с последним занятием Профессора, — и они вместе возвращались домой. Зимой это был настоящий лыжный поход: искусство ходить на лыжах Профессор приравнивал к умению читать и писать.

«Упражнять надо и тело, и ум, Гомер», — любил повторять профессор.

Легко понять, почему этот человек произвел столь благоприятное впечатление на Уилбура Кедра. Он был живым воплощением полезности.

Честно говоря, Гомеру нравилось это размеренное, лишённое неожиданностей существование. Сирота еще больше, чем обычные дети, нуждается в незыблемом, предсказуемом распорядке жизни. Именно поэтому доктор Кедр никогда не отступал от раз и навсегда заведенного распорядка. Завтраки, обеды и ужины поглощались в строго отведенные часы. По вечерам доктор Кедр читал вслух в спальне мальчиков, начиная и кончая чтение всегда в одно время, даже если случалось остановиться на самом

интересном месте. Мальчишки просили — еще немножко, хоть пять минуточек, но Святой Кедр был неумолим. «Завтра продолжим в то же время», — говорил он под вздох разочарования. Он воспитывал в сиротах то, что представлялось ему главным, — ощущение стабильности жизни. «Здесь, в Сент-Облаке, — писал он в своей хронике, — ребенок чувствует себя защищенно, поскольку уверен, что все обещанное сбывается. Обещание для него — залог завтрашнего дня. И он живет, предвкушая следующее обещание. Только так действуя, медленно, но неуклонно, можно воспитать в сироте чувство защищенности».

Это «медленно, но неуклонно» как нельзя лучше описывает образ жизни Дрейперов. Каждое действие заключало в себе полезный урок, в каждом углу уютного богатого дома находилось что-то достойное внимания, сулящее в будущем принести пользу.

— Это Руфус. Он очень старый, — знакомил Профессор Гомера со своей собакой. — Это коврик Руфуса, его владение. Когда Руфус спит в своих владениях, не буди его, он может тяпнуть.

Говоря это, Профессор будил древнего пса, тот ощеривался, клацал зубами и озадаченно принимался, чую забытые запахи прошлого, — так пахло когда-то от теперь уже взрослых детей Профессора, обзаведшихся семьями и собственными детьми.

Гомер познакомился со всеми ними в День благодарения. Этот день в семье Дрейперов превращался в грандиозное празднество, способное пробудить в любой семье комплекс неполноценности. Мамуля превзошла себя в приготовлении лакомых блюд. Профессор сочинил выступления на все мыслимые и немыслимые темы: сравнительный анализ белого и темного мяса домашней птицы; последние выборы; возможные конфигурации вилок для салата; преимущества романа девятнадцатого века (не говоря уже о всех других преимуществах прошлого столетия); искусство приготовления клюквенного соуса; истинная сущность покаяния; польза физических упражнений (включая сравнительную оценку рубки дров и катания на коньках); послеобеденный сон — один из семи смертных

грехов. Каждое мудреное выражение Профессора встречалось его взрослыми детьми (двумя замужними дочерьми и женатым сыном) одобрительным хором, в котором преобладали восклицания:

- Вот именно, Профессор!
- Так оно всегда и бывает!
- Истинная правда, Профессор!

Эти автоматические реплики умеренно разбавлялись любимой присказкой Мамули: «Спокойно, спокойно, не принимайте слова Профессора совсем уж всерьез!»

Гомер выслушивал это нескончаемое сотрясение воздуха, как инопланетянин, силящийся расшифровать язык барабанного боя неведомого племени. Он то и дело терял нить разговора. Бессмыслица происходящего душила его. И, лишь став гораздо старше, он задался вопросом: что больше тогда отвращало его — самодовольство, то явное, то подспудное, или же энтузиазм, с коим отправлялось это насквозь фальшивое торжество?

Постепенно жизнь в Уотервилле разочаровывала его, происходящее становилось препятствием на пути к самому себе, к тому, чем ему предстояло стать. Ему вспомнились Дни благодарения в Сент-Облаке. Да, они были не такие шумные и богатые, как у Дрейперов, но в них было больше человеческого, и он чувствовал там, что нужен. Случалось, пургой обрывало электрические провода — и он по всему дому зажигал свечи и керосиновые лампы. Кормил самых маленьких, помогал мыть на кухне посуду, успокаивал вместе с сестрами Эдной и Анджелой плачущих малышек и даже был курьером доктора Кедр — самое ответственное и почетное дело в Сент-Облаке. Словом, к десяти годам, еще задолго до того, как доктор Кедр сказал то знаменитое напутствие, в Гомере уже окрепло ощущение своей полезности.

Чем же все-таки День благодарения у Дрейперов так разительно отличался от праздника в Сент-Облаке? Как кулинар Мамуля не знала себе равных; стало быть, дело не в еде — в Сент-Облаке еда как раз не отличалась изысканностью. Может, молитва благодарения? В Сент-Облаке молитва была довольно проста и прозаична, ведь доктор Кедр был не очень-то религиозен.

— Вознесем благодарение... — начинал он и делал паузу, как будто и впрямь решал, за что благодарить. И чуть погода объявлял: — За все то доброе, что мы ежедневно получаем. — При этих словах доктор Кедр сдержанно оглядывал сидевших вокруг брошенных, нежеланных детей и произносил окрепшим голосом: — Вознесем благодарение за то, что у нас есть сестра Анджела и сестра Эдна. За то, что есть выбор... За возможность начать новую жизнь, — добавил он однажды, бросив взгляд на Гомера.

Одним словом, молитва в Сент-Облаке отличалась разумностью и сдержанностью — отличительными свойствами доктора Кедра.

У Дрейперов же молитва была странным, весьма продолжительным действием, что, по-видимому, объяснялось особым — семейным — пониманием сущности покаяния. Согласно профессору Дрейперу, истинное покаяние следует начинать с объявления себя грешником. Молитву благодарения Профессор начал словами: «Повторяйте за мной: я грешен, я сам себе омерзителен, но я возношу благодарение за всех членов моей семьи!» И все хором повторили эти слова, даже Гомер, даже Мамуля, которая на сей раз воздержалась от своего любимого: «не относитесь так уж всерьез...»

Приют Сент-Облако был не очень сентиментальным местом, но благодарственная молитва произносилась от всего сердца. Первый раз Гомер заметил фальшь в семье Дрейперов именно в День благодарения. В отличие от Сент-Облака, жизнь в Уотервилле зиждилась на крепких устоях, дети и внуки были желанные. В чем же тогда каяться? Может, счастьем, удаче всегда сопутствует чувство вины? Фамилия Кедр (как объяснили Гомеру) означает дерево. Но тогда Богу (в Уотервилле Его без конца поминали) подошло бы название чего-то более прочного — льда или, скажем, скалы. Бог Дрейперов был трезвый Бог, но День благодарения в Уотервилле, к удивлению Гомера, обернулся настоящей попойкой.

По выражению Мамули, Профессор в тот день «изрядно перебрал». Это, похоже, означало, что он превысил дневную дозу, от которой, прибавила Мамуля, он бывал

лишь навеселе. Обе замужние дочери, да и женатый сын тоже, как видно, перебрали. По случаю праздника Гомеру (и внукам) позволили пойти спать позже, и он оказался свидетелем забавного представления. Он и раньше слышал, засыпая, возню на лестнице, стуки, скрипы, шуршание, чей-то приглушенный укоряющий голос. Выяснилось, что голос принадлежал Профессору, протестующему против насильственных действий Мамули, которая волокла его по лестнице в спальню: там подняла его на руки и не очень вежливо уложила спать, проявив незаурядную физическую силу.

— Вот что значит регулярные тренировки! — воскликнул взрослый женатый сын и вывалился из зеленого шезлонга на коврик подле старины Руфуса, словно раскусил во рту ампулу с цианистым калием.

— Яблоко от яблони!.. — воскликнула одна из замужних дочерей.

Вторая замужняя дочь молчала — она мирно спала в кресле-качалке, опустив пальцы до вторых костяшек в почти полный бокал, балансировавший, подобно канатоходцу, у нее на коленях.

Оставленные без присмотра внуки с упоением попирали все домашние правила и устои. Увещательные речи Профессора были забыты.

Гомер Бур, которому еще не было десяти, поднялся к себе в комнату и лег в постель. Чтобы уснуть, он часто прибегал к испытанному средству: вспоминал один особенно грустный эпизод из жизни Сент-Облака — отъезд матерей из уютской больницы, которая соединялась с отделением мальчиков длинным переходом (в нем когда-то хранились запасные лезвия к циркулярным пилам). Было еще очень рано и совсем темно, шел снег, подсвеченный огнями стоявшего у дверей больницы фургона. Гомер всегда плохо спал, часто пробуждаясь ни свет ни заря — как раз когда подъезжал фургон, привозивший со станции работниц — поварих, уборщиц и первую смену больничного персонала. Фургон, собственно, был списанным железнодорожным вагоном, зимой его ставили на полозья, превратив в огромные сани, запряженные лошадьми. Иногда

снега на дороге было мало, и полозья со скрежетом высекали из бульжников снопы искр (их сменяли на колеса лишь с приходом весны). На самодельном сиденье рядом с закутанным в пледы возницей горел фонарь ярким, но неровным светом, напоминавшим пламя факела; внутри же вагона теплились лишь слабые огоньки. В то раннее утро возле вагона топтались в снегу несколько женщин, ожидая, когда из него выйдут приехавшие. Гомер никого из этих женщин не знал, вид у них был робкий, будто пристыженный. Служащие приюта, выходявшие из вагона, старались держаться от них подальше, одна даже обронила какую-то грубость. Что именно — Гомер не расслышал, но женщин как порывом ветра отбросило от обидчицы. Они поднимались в вагон, понуриив голову, не глядя друг на друга, не перекидываясь словечками. А возница, веселый, добродушный малый, готовый вступить в разговор с любым пассажиром в любую погоду, молчал, точно набрал в рот воды.

Вагон медленно развернулся и заскользил по обледенелой дороге к станции. В освещенные окошки было видно, что одни женщины прячут лицо в ладони, другие сидят безучастно, окаменело, как на похоронах, боясь шелохнуться, чтобы не потерять самообладания.

В то утро Гомер впервые увидел мам, навсегда оставивших своих детей в Сент-Облаке. Он их почти не разглядел, но хорошо, что видел их сейчас, когда все позади, а не накануне, в день приезда, с огромным животом, придавленных грузом забот. Выглядели они совсем не так, как люди, сбросившие наконец тяжкое бремя, его собственные глаза были свидетелями этому. Никогда в жизни не видал он более несчастных существ, и, наверное, не случайно покидали они приют в предутренние часы.

В ту ночь, завершившую День благодарения у Дрейпоров, Гомер, чтобы скорее уснуть, вспоминал этих матерей, ожидавших на снегу фургон, но не ограничился только виденным. Когда сон не шел, он совершал с женщинами весь их путь до станции, садился с ними на поезд, провожал до жилищ; он отыскивал среди них мать и шел за ней. Было трудно вообразить себе, как она выглядит, где живет,

откуда родом, воротилась ли в родные места. Еще труднее было представить себе отца. Как она вернулась к нему, если вернулась? Подобно многим сиротам, Гомеру казалось, что он часто встречает родителей, но те не узнают его. Когда он был маленьким, его много раз ловили на том, что он, расширив глаза, смотрел на чужую женщину, иногда с явной любовью, иногда с интуитивной враждебностью. «Перестань, Гомер, — говорил ему в таких случаях доктор Кедр. — Просто не думай об этом, и все». Но и став взрослым, Гомер Бур частенько замечал, что смотрит на идущую мимо женщину тем же вопрошающим взглядом.

В ту ночь в Уотервилле он так отчаянно вглядывался в образы родителей, что казалось, еще миг — и они материализуются; но именно в этот миг он в изнеможении уснул. Его бесцеремонно разбудил один из внуков, мальчик постарше его. Гомер совсем забыл, что в ту ночь он будет с кем-то делить постель — дом был переполнен гостями.

— А ну подвинься, — потребовал мальчик.

Гомер подвинулся.

— И не вздумай доставать свой петушок, — добавил мальчик, хотя, разумеется, причин для такого заявления не было. — Знаешь, что такое содомия? — помолчав немного, спросил мальчик.

— Нет, — ответил Гомер.

— Знаешь, не ври. В Сент-Облаке вы все этим занимаетесь. Трахаете друг друга! Только попробуй прикоснись ко мне, отправившись обратно в приют без своего петушка, — пригрозил мальчишка. — Я его отрежу и скормлю собаке.

— Руфусу? — спросил Гомер.

— Ему, а кому же! Будешь еще врать, что не знаешь про содомию?

— Не знаю, — повторил Гомер.

— Сейчас узнаешь! Хочешь, покажу?

— Не очень.

— Хочешь, хочешь, — заявил мальчишка и попытался было проделать то, о чем Гомер и слыхом не слыхал.

Внук этот освоил технику содомии в очень дорогой частной школе, но вот кричать во всю силу легких там его не обучили; Гомер же еще в младенчестве овладел этим искусством и сейчас счел за благо огласить дом своим знаменитым воплем.

Вопль разбудил Мамулю, спавшую сном праведницы (остальные Дрейперы пребывали в отключке), и, конечно, всех внуков, которые были младше Гомера и к тому же не знали его легендарной способности, так что вопль вызвал среди них настоящую панику. Даже дряхлый Руфус и тот залязгал зубами.

— Бога ради! Что здесь происходит? — ворвалась Мамуля в спальню Гомера.

— Он хотел трахнуть меня. Ну я ему и наподдал, — сообщил ученик очень дорогой частной школы.

Гомер силился справиться со всей легендарной способностью, вернуть ее обратно на страницы истории. По младости лет он еще не знал, что взрослые верят внукам больше, чем приемышам.

«Здесь, в Сент-Облаке, — писал доктор Кедр, — происхождению значения не придается. Это жестоко и унижает достоинство. Увы, в других местах на земле сирота, чья родословная неизвестна, всегда вызывает подозрение».

Мамуля отлупила Гомера, доказав, что семейству из Порогов по этой части далеко до нее. И отвела до утра в котельную; там было сухо, тепло, стояла раскладушка, которую летом брали с собой в походы.

Еще там сохло много пар обуви, одна из которых принадлежала Гомеру. Подобрал он и сухие носки по ноге. Нашел теплый, почти сухой комбинезон и облачился в него. Он понимал, что Мамуля и Профессор слишком дорожат семейной репутацией и не станут поднимать шум из-за какой-то там содомии. Так что, если он хочет вернуться в Сент-Облако, а он уже хотел, действовать надо самому.

Во время экзекуции Мамуля намекнула Гомеру, как его будут воспитывать, и сказала, что верит в его скорое исправление.

А в котельной велела встать на колени перед раскладушкой и повторять за ней странную молитву Профессора.

— Я грешен, я сам себе омерзителен, — повторял Гомер, чувствуя фальшь каждого слова.

Но никогда еще он так не нравился сам себе: еще немного — и он поймет наконец, кто он, что он и какую пользу сможет приносить в жизни. Он был уверен: произойти это может только в Сент-Облаке.

Поцеловав его на ночь, Мамуля сказала:

— Не придавай значения, Гомер, всему, что пишет о содомии Профессор. И не принимай все его речи так уж всерьез.

Гомер Бур решил не дожидаться речи Профессора еще и на эту тему. Вышел из котельной; снегу выпало по колелю, но это не остановило его. Профессор Дрейпер научил его преодолевать пешком заснеженные пространства. Гомер оказался отличным ходоком. Очень скоро он вышел на главную улицу, которая привела его на широкое, уходящее вдаль шоссе. Уже рассвело, когда возле него притормозил первый грузовик, груженный бревнами. Как раз то, что нужно, решил Гомер.

— Мне надо в Сент-Облако, — сказал он водителю. — Я заблудился, не знаю, куда идти.

В 193... году каждый лесозаготовитель знал, где находится Сент-Облако. Но мальчик шел в противоположную сторону.

— Ты идешь не туда, малыш, — сказал водитель Гомеру. — Поверни и поймай машину, которая едет в обратном направлении. А ты правда из Сент-Облака? — спросил водитель. Он, как и многие, полагал, что дети обычно бегут из приюта, а не возвращаются в него.

— Я просто там живу, — попытался объяснить Гомер, но водитель махнул ему рукой и уехал.

По мнению доктора Кедр, этот бессердечный водитель, оставивший ребенка одного на дороге в такой снегопад, наверняка работал на компанию «Рамзес». Следующий грузовик был также с лесоповала, шел порожняком за новой партией бревен, и Сент-Облако был ему по пути.

— Ты сирота? — спросил водитель, узнав, куда держит путь Гомер.

— Нет, — ответил Гомер. — Я просто пока там живу.

В 193... году по заснеженным дорогам штата Мэн ездили медленно. Сильно смеркалось, когда Гомер добрался наконец до родного дома. Было так же темно, как и тогда на рассвете, когда он впервые увидел мам, оставивших в приюте детей. Какое-то время Гомер стоял у дверей больницы, наблюдая, как падает снег. Затем повернулся, подошел к отделению мальчиков, постоял там. И опять вернулся к дверям больницы, где было больше света.

Он все еще думал, что сказать доктору Кедру, когда у входа в больницу остановился почтовый фургон со станции — тот самый вагон на полозьях, привозящий и отвозящий невеселых пациенток Сент-Облака. На сей раз из него вышла всего одна женщина. У нее был такой огромный живот, что возница хотел было проводить ее, боясь, что она поскользнется, но, вспомнив, зачем она здесь, подумал, наверное, что богопротивное это дело — помогать таким женщинам. Развернул свой вагон и покатил обратно на станцию. Женщина осторожно брела по колено в снегу, приближаясь к Гомеру. Вид у нее был такой потерянный, что он сам позвонил в дверь. И подумал: ей, наверное, тоже нужно собраться с духом, приготовиться к разговору с доктором Кедром.

Если бы кто увидел их сейчас, принял бы за мать и сына. Во взглядах, которыми они обменялись, было именно это родственное взаимопонимание, как будто они читали мысли друг друга. Гомера беспокоил предстоящий разговор с доктором Кедром, но он понимал, что женщине труднее, — она ведь не знакома с доктором и ничего не знает о Сент-Облаке.

Внутри вспыхнул яркий свет, и Гомер различил величественный силуэт сестры Анджелы, спешащей к дверям. Непонятно, что толкнуло его взять за руку беременную женщину. Может, он заметил у нее на щеке замерзшую слезу, а может, самому захотелось опереться на чью-то руку. Но, увидев, как сестра Анджела вглядывается в снежную мглу, отпирая замерзший замок, Гомер успокоился и сказал женщине, беременной никому не нужным ребенком:

— Не волнуйтесь. Здесь все очень хорошие люди.

Женщина в ответ с такой силой сжала Гомеру руку, что ему стало больно. И с его губ чуть не сорвалось самое, казалось бы, не подходящее сейчас слово «мама!». Но в этот миг сестра Анджела совладала наконец с замком и заключила Гомера в объятия.

— О-о! — воскликнула она. — Гомер! Мой, наш Гомер! Я так и знала, что ты вернешься!

И поскольку рука беременной женщины все еще крепко сжимала руку Гомера — у обоих не хватало духу их разнять, — сестра Анджела повернулась к ней и тоже обняла. В эту минуту ей почудилось, что эта женщина — такая же сирота, как Гомер, и, так же как он, вернулась к себе домой.

Доктору Кедру Гомер сказал, что в Уотервилле от него не было никакой пользы. Но тут позвонили Дрейперы, сообщили, что Гомер убежал, и объяснили причину. Так что Гомеру пришлось-таки рассказать историю с содомией. Пьянство профессора немало удивило доктора Кедра (пьяниц, как правило, он распознавал безошибочно), а услышав о молитве, только развел руками. В результате записка, посланная доктором Кедром Дрейперам, отличалась несвойственной ему лаконичностью.

«Покайтесь», — гласила она. На этом можно было поставить точку, но Кедр не удержался и приписал: *«Вы грешны, вы должны быть сами себе омерзительны»*.

Уилбур Кедр понимал, что найти четвертую семью для Гомера будет не так-то просто. Поиски заняли три года — к этому времени Гомеру было уже двенадцать лет — почти тринадцать. Кедр знал, в чем беда, — нужны годы, чтобы Гомер где бы то ни было почувствовал себя покойно и защищенно, как в Сент-Облаке.

«Здесь, в Сент-Облаке, — писал Кедр в своих хрониках, — у нас есть только одна проблема. То, что на свете были и будут сироты, нас не заботит; ситуация в принципе неразрешима, наше дело — как можно лучше заботиться о них. Не проблема и вечная нехватка денег: приюты финансируются в последнюю очередь, и с этим ничего не поделаешь. Нас не касается и то, что женщина, заберемене-

нев, иногда не хочет ребенка. Наверное, придет когда-то просвещенное время и закон даст ей право избавляться от нежеланного ребенка. Но и тогда останутся женщины необразованные, запутавшиеся, испуганные. Так что и в самые просвещенные времена никому не нужные дети все равно будут рождаться на свет.

И конечно, всегда будут дети-сироты, чье рождение ожидалось как манна небесная, но которых обездолил несчастный случай или злонамеренное насилие. Но это тоже не наша проблема. Здесь, в Сент-Облаке, мы не можем впустую тратить духовные и физические силы, коих и так немного, на борьбу с темными сторонами жизни. Здесь, в Сент-Облаке, есть только одна проблема. Имя ей — Гомер Бур. С этим мальчиком мы добились особых успехов. Сиротский приют стал для него отчим домом. Это-то и есть проблема. Государственное учреждение не может и не должно вызывать в детях любовь, какая уместна только в семье. А тем более приют для сирот. Ведь это всего лишь пересадочный пункт на пути к лучшей жизни. И нельзя превращать его в монстра — начальную и конечную станцию, представляющуюся сироте единственным надежным на земле пристанищем.

Ничто не может оправдать жестокость, но здесь, в сиротском приюте, нам, возможно, вопреки себе, надо сдерживать свою любовь; если это не удастся, мы создадим приют, который ни один сирота не захочет покинуть по доброй воле. И мы породим новый человеческий подвиг — вечного сироту, ибо его отчим домом будет сиротский приют. Да простит меня Господь (или кто там вместо Него), я своими руками вырастил вечного сироту: имя его — Гомер Бур, и похоже, что он останется в Сент-Облаке навсегда».

К двенадцати годам Гомер знал Сент-Облако как свои пять пальцев. Досконально изучил газовые плиты и дровяные сараи, плавкие предохранители, бельевые шкафы, прачечную, кухню; все укромные уголки, где ночевали кошки; знал всех поименно, кто в какую смену работает; когда привозят почту; кто получает письма; где поступившим матерям бреют лобки; сколько времени они остаются

ся в приюте, когда уезжают и в какой нуждаются помощи. Он знал расписание всех звонков, — вообще-то, он сам их и давал; знал всех преподавателей, опознавал их по походке с расстояния двухсот ярдов, когда они шли со станции. Знал в приюте всех девочек, но те немногие, что были старше, почему-то его пугали; он редко заглядывал к ним в отделение, и то только по поручению доктора Кедр, разнося его послания и прописанные им лекарства. Заведующая отделением девочек не имела медицинского образования, и доктор Кедр лечил девочек сам — либо приходил в отделение, либо они шли к нему. Заведующей была ирландка из Бостона, работавшая какое-то время в Новоанглийском приюте для малолетних бродяжек. Звали ее миссис Гроган, хотя она никогда не поминала мистера Грогана, да и, увидев ее, вряд ли кто заподозрил бы, что у нее был когда-нибудь спутник жизни; наверное, слово «миссис» нравилось ей больше, чем «мисс». Миссис Гроган принадлежала к обществу «Маленькие служители Господни». Доктора Кедр это вначале насторожило, но миссис Гроган не делала попыток превратить Сент-Облако в филиал общества, и факт этот сам собой забылся. Скорее всего, ей было не до общества; она не только заведовала отделением девочек — на ней лежал весь учебный процесс, каким бы хилым он в Сент-Облаке ни был.

Для сирот, которые кончали в приюте шестой класс, образование на этом завершалось. Но таких было немного. Школа-шестилетка находилась в Порогах-на-третьей-миле — всего одна остановка на поезде. Но в 193... году поезда часто опаздывали, да и машинист, работавший по четвергам, обычно в Сент-Облаке не останавливался. Видно, принимал его за вымерший город — столько в нем было заколоченных домов, а может, не одобрял женщин, сходявших на этой станции.

В школе была всего одна комната, и ученики презрительно относились к сиротам, которые изредка появлялись на уроках. Особенно заносились дети из семей, где их самих унижали (одно с другим, как известно, связано). Так что Гомер шесть лет обучался скорее бойцовским качествам, чем наукам. Он часто пропускал уроки — три четвер-

га из каждых четырех, еще раз в неделю из-за опоздания поезда да зимой несколько дней по болезни. А в сильные снегопады поезда вообще переставали ходить.

Уроки были и в самом приюте, из Порогов приезжали сюда две учительницы и учитель, которые тоже страдали от капризов тогдашних железных дорог. Одна учила сирот математике; вообще-то, она была счетоводом на текстильной фабрике — «настоящий живой бухгалтер», говорила о ней сестра Эдна; только почему-то этот «живой бухгалтер» категорически отказывался учить детей алгебре и геометрии, явно предпочитая умножению и делению сложение и вычитание (Гомер был уже великовозрастным юнцом, когда доктор Кедр обнаружил, что он не знает таблицы умножения).

Граматику и правописание преподавала в Сент-Облаке состоятельная вдова водопроводчика. Методика у нее была жесткая и запутанная. Она давала ученикам цепочки слов без заглавных букв и знаков препинания, изобиловавшие к тому же ошибками. Надо было исправить в словах ошибки, соединить их в предложения и расставить по местам точки и запятые. Затем вдова исправляла работы цветными чернилами, отчего окончательный вариант сильно смахивал на черновик мирного договора между двумя малограмотными воюющими сторонами. Самый текст всегда оставался загадкой для Гомера, даже после всех ее исправлений. А дело было в том, что тексты она брала из семейного псалтыря. Гомер же в церкви ни разу не был и ни одного псалма не слышал; рождественские гимны, которые пела миссис Гроган, он, конечно, знал, но вдова была не так глупа и к рождественским песнопениям в своих целях не прибегала. Гомер столько бился над разгадыванием этих шарад, что по ночам его стали мучить кошмары.

Историю преподавал школьный учитель на пенсии из Кэмдена, несчастный старикан, живший в семье дочери, так как сам о себе он уже заботиться не мог. Учебников у него не было, и всю историю он излагал по памяти, считая, что даты вообще ни к чему. Он мог полчаса с пафосом ораторствовать о Месопотамии, но стоило ему на миг умолкнуть — перевести дух или глотнуть воды, — он вдруг

оказывался в Трое или Риме; иногда он выдавал длинные пассажи из Фукидида, но, запнувшись, заканчивал их Наполеоном на Эльбе.

— Он умеет раздвигать исторические горизонты, — сказала как-то сестра Эдна доктору Кедру. — Это развивает в детях чувство исторической всеобщности.

— Всякий раз, как я пытаюсь вникнуть в то, что он говорит, — возразила сестра Анджела, возведя глаза к небу, — мне приходит в голову сотня доводов в пользу войны.

Насколько Гомер понял, сестра Анджела хотела этим сказать, что не следует слишком долго заживаться на этом свете. Нетрудно догадаться, ввиду всего этого, что учение нравилось Гомеру гораздо меньше любой приятной работы.

Из всех занятий Гомер больше всего любил готовить доктору Кедру кусок для вечернего чтения в спальне мальчиков; наметить число страниц, которых хватило бы на двадцать минут, — дело нелегкое, ведь Гомер вслух читал медленнее, а про себя быстрее, чем доктор Кедр. Двигаясь черепашьям шагом, доктор Кедр читал «Большие надежды» Диккенса несколько месяцев, а «Давида Копперфильда» больше года. Окончив «Копперфильда», доктор Кедр объявил Гомеру, что начнет сначала «Большие надежды» — ведь все воспитанники, слушавшие этот роман, кроме Гомера разумеется, успели к этому времени покинуть приют.

Впрочем, мало кто из них понимал Диккенса. Его язык был слишком труден, да они вообще еще плохо понимали язык взрослых обитателей Сент-Облака. Но доктора Кедра это не смущало, главное — читать вслух. Того, кто не понимал, словесный поток убаюкивал, а те немногие, что следили за ходом событий, получали возможность хотя бы во сне покинуть на крыльях фантазии Сент-Облака.

Диккенс был любимым писателем доктора Кедра. И конечно, он не случайно выбрал эти романы, ведь в том и другом говорилось о судьбе сироты. («Что, черт побери, можно еще читать сиротам?» — вопрошал он в своем дневнике.)

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. УСЫНОВЛЕННЫЙ СЕНТ-ОБЛАКОМ ...	7
Глава вторая. РАБОТА ГОСПОДНЯ	46
Глава третья. ПРИНЦЫ МЭНА, КОРОЛИ НОВОЙ АНГЛИИ	86
Глава четвертая. ЮНЫЙ ДОКТОР БУР	132
Глава пятая. ГОМЕР НАРУШИЛ СЛОВО	183
Глава шестая. «ОКЕАНСКИЕ ДАЛИ»	246
Глава седьмая. ПЕРЕД ВОЙНОЙ	306
Глава восьмая. УДАРЫ СУДЬБЫ	369
Глава девятая. НАД БИРМОЙ	432
Глава десятая. ЧЕРЕЗ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ	498
Глава одиннадцатая. НАРУШИЛ ПРАВИЛА	580
Примечания автора	655
Послесловие. <i>М. Д. Литвинова</i>	664